

Тихомиров Лев Александрович

Заговорщики и полиция
Conspirateurs et policiers

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Александрович Т.**
Заговорщики и полиция *Conspireurs et policiers* / Тихомиров Лев Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 176 с.

ISBN 978-5-519-76850-4

История. Исторические науки -- Россия -- Период капитализма (1861-1917) -- Период
промышленного капитализма (1861 г.-2 пол. 90-х гг. 19 в.) -- Классовая борьба. Общественно-
политические движения -- Революционно-демократическое движение 60-х-начала 90-
х гг. -- Революционное народничество 70-80-х гг. Революционная ситуация 1879-1881 гг. --
Революционное народничество 70-80-х гг. -- "Народная воля" -- Источники

ISBN 978-5-519-76850-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание книги Тихомирова «Заговорщики и полиция» отличается от ранее выпущенных тем, что в тексте, изданном под нашей редакцией в издательстве «Молодая Гвардия» (в серии «Революционное движение России в мемуарах современников»), редакционный аппарат издательства сделал ряд перестановок глав для «удобочитаемости», чем книга обесценилась, как доподлинный памятник эпохи, и получилась немалая путаница в хронологии изложения.

Критика справедливо отмечала данный дефект книги. Критика также дала ценные указания по части некоторых ляпсусов, допущенных в раннем издании книги, относящемся к 1907 г., когда она вышла под названием «В подполье. Очерки из жизни русских революционеров 70—80-х гг.» (изд. «Друг Народа», стр. 176). Действительное же название книги на французском языке, выпущенной в Париже в 1887 г., «Conspirateurs et policiers», что и соответствует данному нами названию «Заговорщики и полиция».

В настоящем издании текст исправлен, согласно указаниям в рецензиях С. Н. Валка («Красная Летопись» № 2 (29) за 1929 г.) и Марка Горбунова («Каторга и Ссылка» № 12 (49) за 1928 г.).

Глава «Пропагандисты в деревне», взятая Тихомировым из «Народной Воли» от 1 октября 1879 г. № 1 и переведенная им для своей книги на французский язык, была в 1907 г. с французского переведена на русский. Таким образом русский подвергся двойному переводу.

При сличении оригинала с переводом 1907 г. оказалось, что перед нами погрешности, касающиеся не только помещения очерка В. Кудряшова (Иванчина-Писарева), но весь текст имеет иногда мало общего с оригиналом, не говоря уже о ряде пропусков как отдельных мест, так и глав, и, кроме того, о вольном переводе с бесконечным количеством вставок от переводчика.

Настоящее издание сверено с французским текстом и дается полностью, при чем нами частично использован перевод 1907 г.

Вся работа по переводу и восстановлению пропущенных глав и отдельных мест проделана О. И. Жемчужиной.

В настоящем виде книга представляет уже действительно—после официальных документов, судебных дел и исследований—мемуарный источник, которым может пользоваться исследователь эпохи «хождения в народ». Но все же автор этого источника при написании находился под большим влиянием романа Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», а также воспользовался рядом неопубликованных мемуаров и партийным архивом. Все это не могло не отразиться на стиле автора.

Р е д а к ц и я

.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Когда я писал о «России политической и социальной», я взял на себя труднейшую задачу уложить в один том в пятьсот страниц картину огромнейшей страны, своеобразной и малоизвестной. Очень часто мне приходилось довольствоваться только общей характеристикой мест.

С тех пор я твердо себе обещал пополнить мой первый опыт несколькими томами чисто описательного характера, где я обрисовал бы детальнейшим образом различные стороны русской жизни для того, чтобы показать французам те как будто незаметные мелочи, которые в сущности помогают понять страну, ибо они дают нам ее почувствовать. Я выбрал сюжетом для этой первой серии набросков жизнь заговорщиков и картину их вечной борьбы с полицией.

Я не хочу ничего обобщать в этой книге. Я уже высказал свою точку зрения на этот счет. Я расскажу здесь читателю только о том, что я видел, слышал, изучал для моей работы. Я ничего не прибавляю. Эта книга—сборник документов, книга воспоминаний, подчас очень неполных, вот и все. Это разорванные куски, которые в качестве краткого исторического обзора помогут читателю связать их хронологически.

Я пытался указать в «России политической и социальной» внутренние причины революционного движения России наших дней.

Фиглярская политика Александра II после освобождения крестьян обострила общее положение страны, но благодаря этой хитрой политике удалось вызвать разногласия среди либералов и радикалов и таким образом ослабить революционное движение. Небольшие заговоры, вспыхивавшие время от времени, были жестоко подавляемы.

В период между 1867 и 1874 гг. правительство было крепче, чем когда бы то ни было. Сергей Нечаев, фанатик, обладающий изумительной силой воли, организовал заговор. Всевозможные

хитрости, ложь, деспотизм, доходящий до признания убийства, были для него необходимы при недостатке революционного духа у заговорщиков.

После подавления заговора Нечаева, революционная Россия, казалось, была погружена в состояние полной прострации. В действительности же она подготавливалась к большим событиям, которые должны были вспыхнуть в 1874 году.

С 1871 года * мы видим, как создаются во всех больших городах России многочисленные кружки, особенно среди молодежи. Это были по большей части просто товарищеские группы, еще не ставящие себе близких революционных целей, но по духу они были революционны. Они мечтали о большой социальной революции, но последняя, по их мнению, могла быть осуществлена лишь в стране, нравственно и интеллектуально возрожденной.

Кружки, о которых я говорю, считали себя первыми ростками этой эволюции. Члены их помогали друг другу в самообразовании, которое должно было облегчить разрешение больших социальных задач.

И сами проповедники возрождения служили лучшим примером своей личной жизнью.

Революционер должен быть безупречным, кристально честным, нравственно чистым, всегда готовым помочь ближнему. Он защищает справедливость и борется со злом. Он должен оказать человечеству возможно большие услуги, беря для себя лишь то, что строго необходимо для существования. Люди становились настоящими аскетами.

Мы были должники народа. Чтобы нам дать возможность получить высшее образование, путь к нравственному совершенству, народ страдал тысячелетиями. В продолжение этих тысячелетий он был лишен самого насущного, был обращен в рабство, в состояние отупения. Нужно было заплатить теперь этот долг, такой огромный, что все наше существование, посвященное исключительно делу народа, не могло быть достаточным для расплаты.

Эта мысль тогда владела всеми революционно настроенными умами.

Наиболее известный кружок той эпохи назывался—по имени его основателя—кружком Чайковского. Он был создан в Петербурге в 1871—1872 г. и мало-по-малу протянул свои разветвления сначала в Москву, потом в Одессу и т. д. Этот кружок объединял довольно большое количество талантливых людей, которых позже мы встретим во главе заговоров. Влияние этого

кружка было огромно. История его—это страница русской истории.

Мои первые две главы относятся к роли, которую играл этот кружок. Я взял людей—не самых выдающихся, но, как мне кажется, наиболее ярких представителей революционной массы того времени.

Я изменил их имена.

Все кружки той эпохи начали с личного усовершенствования своих членов и пропаганды просвещения и возрождения страны среди молодежи, а также и образованных слоев населения. В силу этого кружок много содействовал изданию и особенно распространению множества очень ценных работ.

Мало-по-малу пропаганда стала проникать и в рабочую среду.

Среди пропагандистов произошел раскол, создавший два течения, названных новыми словами в русском языке. Одни—просветители—посветили себя пропаганде среди образованных слоев общества; другие—народники (демократы)—вызвались вести пропаганду в народе. Первые скоро потерпели крушение, и даже название их всеми забыто. Вторые одержали победу. И здесь кружок Чайковского, не будучи в авангарде всего движения, показал себя наиболее мужественным полком большой революционной армии. Как некогда, во время пропаганды среди интеллигенции, он один сделал больше, чем десять любых кружков, вместе взятых, так и теперь кружок организовал широко и прекрасно поставленную пропаганду среди рабочих. В 1872—1873 гг. эта пропаганда сделалась самой важной частью всей его работы.

В это время русские революционеры не имели еще имени для своей партии. Высшая скромность эпохи, боязнь красивых фраз—вызывали отвращение к громким словам. Они именовались в большинстве случаев радикалами.

Я доказывал в «России политической и социальной» существование одновременно двух течений в русском интеллигентном обществе. Одно—намечавшее развитие и усовершенствование личности, как средство возрождения России, второе—мечтавшее призвать народные массы к сознательной политической жизни, убежденное, что эти массы смогут создать справедливый общественный строй.

Это была борьба за возведение в культ индивидуальности и массы, это были антиподы, Вольтер и Руссо, изредка идущие рука об руку, чаще—ожесточенно сражающиеся.

До 1874 года было господствующим первое течение. Связи пропагандистов с рабочими пробудили новую силу—второе те-

чение. В народе вдруг открыли столько положительных качеств, что доходили буквально до благоговения перед ним.

Но в таком случае к чему медленная, продуманная, научная пропаганда?

Над ней стали насмехаться. Правительство, со своей стороны, помогало этой точке зрения, преследуя всячески пропагандистов, и пропаганда сделалась, таким образом, очень трудной среди рабочих.

Кружок чайковцев потерял к концу 1874 года половину своих членов. Остальные рассеялись. Кружок, собственно говоря, перестал существовать. А затем, подкрепленный большим количеством новых людей, он потерял в то же время свои традиции и отличительные черты, смешавшись окончательно с остальной революционной массой всей России.

Движение, сойдя с рельс революционного пути, все же не разбилось окончательно. В своем энтузиазме оно нашло новые дороги по обширным равнинам России.

Началось «безумное лето», лето 1874 года, когда сотни, а может быть, и тысячи юных жизней устремились в народ, чтобы его просветить, поднять выше, научить его и самому научиться у него.

Это было могучее движение, но с весьма неясными целями. Всевозможные точки зрения смешивались в нем: анархизм, недавно вошедший в моду, якобинизм, социализм, приближающийся к теории социал-демократов, русский демократизм (народничество), который хотел желать того, чего народ хотел, не интересуясь особенно прочими «измами».

Было немало просто желавших жить честно, как живут рабочие, то-есть зарабатывать на жизнь своим собственным трудом.

В конце 1873 и начале 1874 гг. выступают на сцену антиреволюционные доктрины, — например, М. Маликова, — очень близкие к религии, проповедуемой графом Львом Толстым. Эта доктрина соблазняла революционеров.

При этом разнообразии взглядов, в этом вавилонском столпотворении слышалась вибрирующая нота, потрясшая все основы: это был протест против несправедливости нынешней цивилизации. Наиболее экзальтированные головы начали отрицать науку, насмехаться над стремлениями личного усовершенствования.

Благодаря цивилизации народ пропадал с голоду; грубо уничтожались еще не успевшие окрепнуть ростки справедливого общественного порядка, которые не вытравлены из народной

души. А потому долой цивилизацию! Пора нам сбросить немецкий социализм и одеть мужицкую сермягу **¹.

Этот призыв очень четко вырисовывает тенденции группы отрицателей. Они старались подражать народу в одежде, в разговорной речи, преувеличивая грубости. Бежали из учебных заведений; бросались изучать ремесла сапожника, столяра и т. п. Я знал таких ярких сторонников опрощения, которые теряли способность разговаривать литературным языком.

Один из них должен был бежать из города. Полиция караулила его на вокзале. Как быть? Одетый по-крестьянски, с мешком на плечах, он подошел прямо к жандарму.

- Будьте ласковы, скажите мне, сколько стоит билет до N?
- Четыре рубля,—ответил жандарм.
- А дешевле нельзя?
- Дурак.

Жандарм вернулся на свой пост, а глупый крестьянин продолжал стоять на месте, раздумывая, идти ли в кассу. Уже был дан звонок. Жандарм сказал несколько слов кондуктору. Последний подошел к крестьянину.

- Сколько же ты хочешь заплатить за проезд?
- Ну, рубль с полтиной, ваше благородие.
- Давай живо два рубля.

Крестьянин вынул деньги, и кондуктор украдкой провел его в вагон.

Наблюдая эту сцену, манеры крестьянина, его речь, его торговашество, никак невозможно было заподозреть в нем революционера ***.

Немногие из желавших уравнивать себя в этом отношении с крестьянами остались «в народе» более или менее продолжительное время. Правительство, напуганное силой движения, устроило ожесточенную охоту за пропагандистами. Тюрьмы были переполнены. Революционеры просиживали по два, три и четыре года в одиночном предварительном заключении.

Это большое движение было уже заторможено к 1875—1876 гг. Но оно не осталось безрезультатным.

Прежде всего, крестьянские настроения разрушили чрезвычайно смутные тенденции, существовавшие накануне. Решили, что надо действительно приблизиться к народу.

Народники, сделавшись господствующей партией, подняли на смех восторженные крестовые походы 1874 г.

¹ Вольтер сказал однажды, что, читая Руссо, испытываешь желание ходить на четвереньках.

Народу не нужны были такие набеги. Надо было жить с ним, учить его, уметь формулировать его желания. Надо составить действительно народническую программу и организовать не только крестьянскую партию, но и ряд тайных крестьянских обществ. И только после всего этого можно будет надеяться на успех.

Наиболее выдающееся тайное общество этого периода называлось «Земля и Воля», идея которого была внушена крестьянами.

Но непосредственная цель не была достигнута.

В тайных обществах, состоявших из людей значительно старше и более практических, подчас изумительно ловких, правительством систематически пробивалась брешь.

И тем не менее, народническое течение наложило глубокий отпечаток на дальнейшее революционное движение. Взгляды революционеров сделались более умеренными, более практическими. Недавний анархизм был вырван с корнем. Стали пытаться составить реальную программу.

С другой стороны, преследования правительства, уничтожавшего заговора революционеров, доказывали с очевидностью, что при настоящем политическом положении в России организация каких бы то ни было партий и особенно крестьянской—невозможна.

Революционеры решили защищаться от правительства.

В 1877 году появились террористы.

Возникла мысль, что у революционеров должен быть отряд самообороны, который защищал бы их от шпионов, жандармов, мстя око за око, наказывая правительство за его слишком произвольные действия. Эта идея перебросилась на юг России, на Украину, и развернулась там во всю ширь.

Революционеры надеялись, с одной стороны, что открытая борьба против правительства вовлечет в нее и народ и тем скорее приведет к цели—всеобщей революции.

Другие полагали, что если даже революции не произойдет, то террористические акты против правительства испугают его и заставят выработать конституцию.

Итак, мы снова видим смешение самых различных взглядов, но все сходилось в одном,—что надо с оружием в руках бороться против правительства.

1878 год отмечается целым рядом политических убийств и вооруженных сопротивлений, побегами заключенных и т. д. Правительство отвечает виселицами и доводит до бешенства ненависть революционеров.

К 1879 г. рождается новая идея, еще пропитанная якобинизмом недавних дней. Она заключалась уже не в том, чтобы напугать правительство или принудить его при помощи террора на уступки, но в том, чтобы его свергнуть при помощи государственного переворота.

Эта идея вкратце резюмирует программу партии, созданную по воле народа к концу 1879 года.

Идея политического заговора во имя государственного переворота привела поневоле революционеров к обществу и народу, как таковым. Для переворота необходимо было иметь ближайшим помощником либералов, армию и рабочих. Надо было стать, так сказать, национальной партией.

Мы видим, как в эту эпоху вырастает антиправительственный союз, уничтоженный двадцать лет назад. Но остались живы чисто террористические идеи, в основном компрометирующие главную цель, поставленную партией. И этой идее, хотя и подкошенной, удалось дать на некоторое время неслыханную силу партии. Начинается ожесточенная борьба, заставившая правительство трепетать. Весьма вероятно, что, если либералы оказались бы тогда способными поддержать в революционерах эту идею союза и если сами революционеры были бы пропитаны сильнее духом государственного переворота, правительство было бы уже свергнуто или доведено до необходимости широких уступок.

Я посвящаю этой борьбе с правительством несколько глав: «Взрыв в Зимнем Дворце», «Шпионы и контршпионы» и т. д.

Моей задачей было показать нравы, но не историю движения. Я не выбирал для моих героев наиболее выдающихся главарей движения. Я выбирал тех, кто, по моему, вкратце дают наиболее верное и живое представление о тогдашнем положении
